

УДК 378.011.3-051/052(476-25):355.48(100)''1960/1980''

**ВЫПУСКНИКИ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ МИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ВОЙНАХ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ 1960 – 1980-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

канд. ист. наук А.В. КУЗНЕЦОВА-ТИМОНОВА
(Институт истории НАН Беларуси)
aldona.smith@yandex.by

Статья посвящена исследованию участия выпускников и преподавателей Минского государственного лингвистического университета (в 1960 – 1980-е гг. – Минского государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ) в войнах и военных конфликтах на территории иностранных государств: их работе в качестве военных переводчиков, обстоятельствам подготовки, критериям отбора, подготовке характеристик, географии стран назначения. Изучен информационный потенциал документов, хранящихся в фондах Национального архива Республики Беларусь – в частности, протоколов заседаний первичной организации КПБ МГПИИЯ. Обозначены основные направления, определены хронологические рамки работы представителей института за рубежом, определены первичные статистические данные.

Ключевые слова: *локальные войны и военные конфликты, военные переводчики, «холодная» война, Минский государственный институт иностранных языков, Минский государственный лингвистический университет, «развивающиеся страны», преподаватели русского языка за рубежом.*

Введение. Отсутствие глобальных вооруженных противостояний в период т.н. «холодной войны» не означало наступление мира. Локальные войны и военные конфликты продолжались на территории разных стран и континентов на протяжении многих лет, де-факто перерастая в масштабные международные конфликты. Во многих из них принимали участие представители СССР, являвшийся союзником одной из противоборствующих сторон. Среди них было много и уроженцев Беларуси. Только в Законе Республики Беларусь «О ветеранах» обозначено 13 иностранных государств, на территории которых наши соотечественники участвовали в боевых действиях во второй половине XX в.

Работа переводчиков в зоне боевых действий – интересное и абсолютно не исследованное историками направление. Очевидно, что обеспечение успешной коммуникации с подсоветной стороной, и в целом решение военных и политических задач оказывались невозможными без знания языка общения каждой конкретной страны-союзника. Соответственно, для этого требовалось большое количество переводчиков, которых необходимо было экстренно готовить. С 1942 г. военных переводчиков готовили в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ); также существовали военные факультеты при Московском педагогическом институте имени Мориса Тореза (западных языков) и Московском институте востоковедения. Однако после окончания Великой Отечественной Войны институты иностранных языков активно открывались в самых разных городах СССР – и выпускники этих вузов внесли серьезный вклад в работу советских военных миссий за рубежом [1, с. 186].

В 1948 г. такой институт был открыт и в Минске. И уже на первом организационном собрании партийного актива была поставлена цель: готовить «специалистов, в совершенстве владеющих иностранным языком, воспитать студента, переводчика или другого специалиста» [2, л. 8]. И хотя в приоритете работы вуза была обозначена подготовка учителей иностранных языков, в частности, английского (именно на этот факультет было принято 75 из 150 студентов первого набора), его стратегическое значение было подчеркнуто практически сразу. В мае 1949 г. прозвучали требования увеличить в новом наборе состав мужчин, что определялось спецификой института: «в целях обороны» [3, л. 41]. А осенью 1952 г. вместе с инициативой организовать для студентов стрелковые кружки прозвучало предложение об организации кружков военного перевода: по одному на факультетах английского и французского языков, и двух – немецкого [4, л. 72].

Основная часть. Сложность работы над этой темой заключается в узости источниковой базы. Секретность, которой было окружено советское военное присутствие во многих странах мира, распространяется и на документы, многие из которых до сих пор не доступны историкам. Однако даже здесь мы можем найти выход. Источником для настоящего исследования послужили материалы протоколов партийных собраний и заседаний партийного бюро первичной организации КПБ МГПИИЯ 1948 – 1987 гг., а также воспоминания отдельных выпускников института, которым довелось выезжать в воюющие страны и принимать участие в боевых действиях, и переводчиков-выпускников других вузов СССР (в частности, ВИИЯ). Документы фиксируют этапы становления «переводческого» направления работы института (от первого упоминания его необходимости до старта массовых командировок студентов за рубеж и создания отдельного факультета переводчиков) и его военной составляющей (то есть конкретного определения Министерства обороны СССР или Советской Армии как «заказчика»), а также содержат списки студентов, рекомендованных для работы за границей. Эти списки становятся основой последующего поиска: в перечнях членов ветеранских организаций воинов-интернационалистов; в списках участников боевых действий, предоставленных военкоматами Республики Беларусь; в воспоминаниях непосредственных участников событий.

Изначально в МГПИИЯ было 3 факультета: из 150 студентов первого полноценного набора 1949 г. 75 было зачислено на факультет английского языка (ФАЯ), 45 – французского (ФФЯ), 30 – немецкого (ФНЯ). Испанский язык появился в 1952 г.: сначала в лице одного преподавателя (которого почему-то прикрепили к кафедре английской филологии) [4, л. 110], потом отдельной кафедры в составе ФФЯ, и позже – самостоятельного факультета (ФИЯ). Английский язык был самым востребованным как язык международного общения и главного геополитического (а во многих случаях в будущем – и непосредственно боевого) противника. Однако в будущем для студентов МГПИИЯ именно французский и испанский языки стали «билетом» в зону боевых действий как государственные языки бывших колоний, отстаивавших в ту эпоху свою независимость и ставших ареной масштабных гражданских военных конфликтов. Спустя 10 лет, в 1962 г., среди приоритетов руководство института обозначило изучение восточных языков (что так и не было реализовано в интересующий нас период) и подготовки большого количества специалистов, хорошо знающих иностранные языки, с целью оказания технической и экономической помощи «странам, которые вышли и выйдут из-под ига капитализма» [5, лл. 129-130].

С каждым годом ужесточались требования к абитуриентам. От простого приоритета представителям восточных областей БССР и мужчинам в мае 1949 г. к началу 1960-х добавились диагностирование при поступлении способностей к изучению языков, предложение о приеме устных экзаменов фонетистами, оценка грамотности устной речи, интонирования и умения анализировать текст на родном языке [6, л. 61].

Непосредственно тема подготовки переводчиков для работы на территории иностранных государств была поднята в начале 1962/1963 учебного года: в ноябре 1962 г. руководство института на партийном собрании постановило ходатайствовать перед органами КПБ и Министерством высшего образования БССР об открытии в МГПИИЯ переводческого факультета – «учитывая острую потребность в высококвалифицированных переводчиках» [6, л. 66]. Спустя год, в декабре 1963 г., руководство института констатировало масштабное увеличение «контингентов всех институтов иностранных языков», в том числе МГПИИЯ, в котором ежегодно количество студентов (и преподавателей) увеличивалось на треть, что было вызвано расширением связей Советского Союза с зарубежными странами и востребованностью «огромного количества специалистов, хорошо знающих иностранные языки, умеющих работать преподавателями ... за рубежом, переводчиками» [7, л. 58].

Инициатива о введении второго иностранного языка в качестве дополнительной специальности прозвучала в 1958 г. от самих студентов. Впервые его озвучила на открытом партийном собрании студентка 3-го курса факультета немецкого языка Морозова, заявив, что 95% студентов ее группы хотели бы в качестве дополнительной специальности изучать английский язык, а такой возможности им не предоставляют, выделяют всего несколько мест и заставляют тянуть жребий [5, л. 130]. Инициатива была удовлетворена. Причем, спустя год, обсуждая «нездоровую обстановку в деле изучения 2-го иностранного языка» (крайне сжатый рабочий план, отсутствие разговорной практики и в целом учебного плана), члены партийного бюро – в частности, преподаватель А. Сорокин – утверждал, что опыт с изучением 2-го языка имеется только в МГПИИЯ, потому и проблемы с планированием: ведь не с кого было брать пример [8, л. 1-2].

Первыми зарубежными командировками для студентов МГПИИЯ стали поездки на языковую стажировку в ГДР – с начала 1958 г. И, если верить докладу преподавателя Л.Е. Стариковой на партсобрании, показали они себя там не с лучшей стороны: «не было в достаточной степени чувства гордости за свою Родину» [5, л. 84]. По результатам этих поездок в институте озаботились вопросом «партийного подхода» к подбору переводчиков, обслуживающих иностранные делегации в Минске и советские делегации в ГДР: чтобы студенты не стали «источником экономической информации», преподаватели обязаны были тщательно инструктировать их, «что и как говорить о Советском Союзе, о жизни своего города, деревни, колхоза», а также о чем можно переписываться с иностранцами, а о чем – нет [5, л. 124-125]. В том же году группа преподавателей в качестве переводчиков английского (8 человек) и французского (6 человек) языков отправилась на Всемирную выставку в Брюссель [9, л. 41].

Начиная с 1960 г., преподаватели и студенты МГПИИЯ стали регулярно выезжать на стажировку в страны изучаемого языка: Великобританию, США, ГДР и ФРГ. И тогда же практически на каждом заседании партбюро МГПИИЯ стали утверждать характеристики студентов и преподавателей, направляющихся за границу на работу: «в качестве переводчиков» или «в качестве преподавателей русского языка». Большинство рекомендуемых пока составляли женщины, число которых преобладало и среди преподавателей, и среди студентов. В ноябре 1960 г. для работы переводчиками было рекомендовано 9 человек [10, л. 7]. Еще одна примечательная деталь: отсутствие указания в первых таких рекомендациях страны назначения. Направление обозначалось «для работы за границей», «для поездки за границу», «для работы переводчиками в «Интуристе» [11]. В ноябре 1962 г. на заседании партбюро впервые прозвучало, что «некоторым из наших выпускников за рубежом придется преподавать русский язык» [6, л. 52]. А в декабре 1962 г. был утвержден первый крупный – 13 фамилий – список характеристик студентов (в основном студенток) для работы переводчиками за границей с указанием страны назначения: страной этой стала Индонезия [12, л. 148].

Официальным началом военного направления работы студентов и выпускников МГПИИЯ можно назвать сентябрь 1964 г.: именно тогда на заседании партийного бюро института был утвержден список характеристик 6 студентов 5 курса ФНЯ и 3 выпускников ФАЯ «для работы в качестве военных переводчиков» [13, л. 106]. Страна назначения снова осталась неуказанной. Однако при определенном допущении первой «военной» группой можно считать утвержденный в сентябре 1962 г. список рекомендованных для отправки за рубеж студентов ФАЯ, состоящий из одних мужчин – без указания цели и страны назначения [12, л. 101]. Сроки позволяют предположить их подготовку к участию в операции «Анадырь», однако подтверждения этому пока не найдено.

Документы позволяют определить основные направления командирования студентов МГПИИЯ для работы переводчиками в 1960-е гг.: практически в каждом протоколе присутствуют списки студентов 4-5 курсов, рекомендованных для поездок в конкретные страны. После Индонезии основными направлениями стали:

– Индия: 2 человека в 1963 г. [14, л. 69], 18 – в 1964-м [13, л. 153], 10 – в декабре 1966 г. [15, л. 89], 11 – в 1970 г. [16, л. 90];

– Бирма: с сентября 1963 г. – по одному человеку ежегодно [15, л. 65];

– Мали: с января 1964 г. – 6 человек [13, л. 18], еще 4 – в сентябре 1965 г. [14, л. 52];

– Пакистан: единичные направления с марта 1964 г.; примечательно, что туда рекомендовались только студенты-мужчины [13, л. 45];

– Камбоджа: 5 рекомендаций в октябре 1964 г. [13, л. 154], 5 – в сентябре 1965 г. [14, л. 52]; 3 – в ноябре 1966 г. [15, л. 65];

– Алжир: 12 рекомендованных в октябре 1964 г. [13, л. 154]; 32 – в 1965 г. [14, л. 11, 35, 52]; 40 – в 1966 г. [15, л. 58, 79, 89]; 7 – в 1970 г. [17, л. 17, 35];

– Сирия: первые рекомендации – с сентября 1965 г. [14, л. 52];

– Египет (тогда – Объединенная Арабская Республика): с ноября 1965 г. [14, л. 70];

– Эфиопия: с ноября 1966 г. [15, л. 65];

– Гвинея: 18 человек в конце 1966 г. [15, л. 65, 79, 89];

– Афганистан: с декабря 1966 г. [15, л. 89];

– Сомали: с декабря 1966 г. [15, л. 89];

– Куба: с апреля 1967 г. [17, л. 25]; примечательно, что в декабре 1966 г. секретарь партбюро факультета испанского языка (ФИЯ) жаловался, что студентам негде применять разговорные навыки, поскольку они не работают с иностранными делегациями [18, л. 75].

В 1968 г. появляются новые направления – Танзания, Марокко, Вьетнам [19, л. 88, 96]. В 1970 г. – Турция [17, л. 17], Чад [17, л. 17], Камерун [17, л. 35], Иран [17, л. 90]. Летом 1971 г. добавился Судан [20, л. 123]. В сентябре 1972 г. – Конго [21, л. 127].

Формально это было гражданское направление работы, о чем косвенно свидетельствует большое количество женщин среди рекомендуемых. Однако фактически во многих странах получалось совсем иначе. Боевые действия в Алжире закончились в 1964 г., однако на протяжении еще двух лет там продолжались масштабные работы по разминированию территории. Всего же за время пребывания советской военной миссии в Алжире в 1962 – 1991 гг. только официально погибло 34 советских военнослужащих [22, с. 28]. То есть потенциальная опасность сохранялась для всех, кто туда направлялся. То же самое касается Египта, Сирии, Камбоджи, Сомали и Эфиопии. В Египте только официально наши соотечественники принимали участие в боевых действиях в 1962 – 1963 гг., июне 1967 г., 1968 г., марте 1969 – июле 1972 гг., октябре 1973 – марте 1974 гг. В Сирии – в июне 1967 г., марте – июле 1970 г., сентябре – ноябре 1972 г., октябре 1973 г. В Камбодже боевые действия с участием наших соотечественников продолжались в апреле – декабре 1970 г., однако сложная военная обстановка сохранялась гораздо дольше. В Лаосе периоды боестолкновений длились официально в 1960 – 1963 гг., августе 1964 – ноябре 1968 гг., и ноябре 1969 – 1970 гг. Во Вьетнаме наши соотечественники воевали в 1961 – 1974 гг. [23]. Боевые действия в Эфиопии шли официально в декабре 1977 – ноябре 1990 гг., однако фактически советские специалисты подвергались там опасности и в последующие годы. То есть де-факто командировка в эти страны, даже по гражданскому ведомству, означала поездку в зону боевых действий со всеми вытекающими отсюда опасностями, причём без конкретных гарантий.

В качестве преподавателей русского языка представителей МГПИИЯ начали рекомендовать с января 1963 г.: именно тогда был утвержден первый список из 8 человек для поездки в «бывшие колонии, слабо развитые страны» [24, лл. 3, 8]. Страны назначения, названные в документах, дублируют страны назначения для рекомендованных в качестве переводчиков: Непал [13, л. 42], Бирма [13, л. 179], Египет (ОАР) [14, л. 35], Гвинея [14, л. 52], Индонезия, Индия, Афганистан, Судан, Камбоджа [15, лл. 58, 62]. Также зафиксирована одна рекомендация (преподаватель Качук С.А.) для поездки в Бирму в качестве преподавателя английского языка [13, л. 11]. А в сентябре 1963 г. преподаватель М.А. Хозяев впервые был рекомендован для откомандирования в ООН в качестве эксперта ЮНЕСКО по народному образованию в Нигерию [24, л. 83].

Министерство обороны СССР в первый раз упоминается 23 декабря 1965 г.: для работы «по линии» этого ведомства утвержден список студентов без указания курса и фамилий (обозначено лишь «список прилагается») [14, л. 76]. Начиная с весны 1967 г. в протоколах заседаний бюро КПБ МГПИИЯ появились длинные – в несколько десятков фамилий – списки студентов, рекомендованных «для работы за рубежом» или «для поездки за границу» без указания страны назначения. С января 1970 г. в документах появляется еще одна формулировка: «утвердить характеристики студентов 4 курса, рекомендованных для работы переводчиками в заграничных командировках в 1971 г.»; с такой формулировкой утверждали одновременно 85 кандидатур, из них 71 – с факультета английского языка [16, л. 10]. То есть спрос на французский язык несколько уменьшился, а на английский – возрос.

С середины 1970-х гг. в документах МГПИИЯ появилась новая формулировка «для работы в качестве переводчиков сроком на 1 год (реже – на 2) в одну из развивающихся стран» [25, л. 20]. Характерно, что из этих списков исчезли женские фамилии. Из наименований конкретных стран назначения остались Куба, Афганистан.

С такой формулировкой в феврале 1976 г. утверждали характеристики 50 студентов 5 курса (поровну английский и французский языки) [26, л. 35–36]. Привлекает внимание фамилия «Е.Н. Ревин»: выпускник факультета испанского языка МГПИИЯ 1979 г. С.П. Баягин в своих воспоминаниях о службе в Анголе в 1980 – 1982 гг. упоминал о гибели в транспортном самолете своего сокурсника Евгения Ревина [27, с. 136]. Поиск информации об этом человеке продолжается.

Тогда же, в 1976 г., в протоколах заседаний партбюро института замечена еще две новые формулировки: «в одну из развивающихся стран по линии Министерства обороны СССР в качестве переводчика» или «для службы в ВС СССР и по выезду за границу», в обоих случаях без указания страны назначения. В 1976 – 1977 гг. с такой формулировкой рекомендовали к выезду за рубеж преподавателей: 3 преподавателя французского языка (январь 1976 г.) [26, л. 2]; 8 – испанского языка (апрель 1977 г. [28, л. 65]); 2 – военной кафедры [28, л. 117].

Преподаватели испанского языка, а позже и студенты соответствующего факультета и соответствующего отделения факультета переводчиков, с этого года активно привлекались к работе в бывших португальских колониях. Хотя португальский язык в МГПИИЯ не преподавался, для работы переводчиками этого языка активно привлекались испанисты (поскольку языки родственные) из многих советских вузов, и МГПИИЯ не стал исключением. Именно так в Анголу попали выпускники факультета испанского языка А.С. Шлык [27, с. 137-155] (находился в столице Анголы Луанде с женой Валентиной; после возвращения из командировки работал в МГПИИЯ) и С.П. Баягин (после возвращения из командировки работал в школе, в Лиде); примечательно, что Баягин имеет статус участника боевых действий, а Шлык – нет.

Ярким примером такой практики стал преподаватель военного перевода, майор В.А. Белокин (1942 – 2009), фамилия которого упоминается в числе рекомендованных для работы за границей в 1980 г. [29, л. 46]. Испанист, выпускник ВИИЯ 1969 г., он успел несколько лет еще во время учебы и позже поработать военным переводчиком на Кубе. В 1980 – 1983 гг. он, освоив португальский язык, служил военным переводчиком в Мозамбике, в 1986 – 1989 гг. – в Анголе, в качестве старшего референта. Под его началом в Анголе служили позже переводчиками многие его студенты: С.П. Демидчик (факультет испанского языка), А.Н. Хованский, И.Л. Ковалевич, О.А. Грицук, А.А. Хаткевич, А.Н. Штукин, С. Ерошов (факультет переводчиков), и др. И все, без исключения, подчиненные сохранили теплые воспоминания о его отеческом отношении: защищал перед вышестоящим командованием, как мог помогал тем, кто попадал в действительно тяжелые боевые условия [30]. Один из них – выпускник ВИИЯ И.А. Ждаркин – писал в своей книге: «Это благодаря ему я ношу медаль «За боевые заслуги». То есть, орден Красной Звезды – фьють (пролетел) – нет его – кто-то его носит. Пролетела и первая медаль «За боевые заслуги». Так вот, он, за мои два года пребывания в Анголе, ещё раз мне написал на медаль «За боевые заслуги». Потом подгадал, так сказать, настроение главного военного советника, подсунул ему, и тот подписал. Вот поэтому я ношу медаль «За боевые заслуги», благодаря Виктору Александровичу Белокину. Он не только мне, но и другим тоже помог, тем, кому до этого «зарезали» награждения» [31, л. 177]. После возвращения из Анголы В.А. Белокин еще несколько лет продолжал работать преподавателем МГПИИЯ.

В декабре 1977 г. в документах появились списки студентов, рекомендованных «для службы в СА в качестве борт-переводчиков» (все языки): первым списком было рекомендовано 42 студента [28, л. 186]. Уточним: борт-перевод в институте не преподавался. Уже упомянутый нами А.С. Шлык в своих воспоминаниях подробно описал, как ему в течение первого года командировки в Анголу пришлось на месте учиться борт-переводу и работать в составе экипажа самолета главного военного советника [27, с. 129-143]. Еще утверждались характеристики (также большими списками) «к командированию в заграникомандировку» [28, л. 187], «для работы переводчиками», «для призыва в Советскую Армию на 2 года» (с уточнением, с перспективой выезда за рубеж или без) [32, л. 93].

Заключение. Протоколы партийных собраний и заседаний партийного бюро МГПИИЯ становятся ценным источником информации о работе выпускников института в странах, на территории которых во второй половине XX в. происходили масштабные военные конфликты. Анализ содержания документов позволяет нам обозначить основные этапы становления «международного» направления работы студентов и выпускников в качестве переводчиков (в том числе и в зоне боевых действий), а также его географические рамки. Самой важной находкой являются перечни фамилий студентов, рекомендованных к выезду за границу по линии Министерства обороны СССР или для службы в Советской Армии. Разумеется, утверждение характеристики еще не означает обязательного выезда, тем более «на войну»: кандидатов ждал дальнейший жестокий отбор, а выезд мог состояться спустя несколько лет. Однако эти списки дают основу для дальнейшего поиска: в архиве Министерства обороны Республики Беларусь, среди уже выявленных ветеранов боевых действий в странах, где использовался изучаемый кандидатами язык (английский, французский, испанский и, как мы уже выявили, португальский). МГПИИЯ, таким образом, занимает важное место в системе подготовки переводческих кадров, в том числе для военных и геополитических нужд СССР, а детальное исследование участия выпускников вуза в локальных войнах и военных конфликтах на территории других государств является актуальным новаторским направлением современной военно-исторической науки Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова-Тимонова, А.В. Советские военные переводчики в Анголе (1975 – 1992) / А.В. Кузнецова-Тимонова // Пичетовские чтения – 2020: войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом : материалы междунар. науч.-

- практ. конф., Минск, 21 окт. 2020 г. / Беларус. гос. ун-т ; под общ. ред. А.Г. Кохановского ; науч. ред. М.Ф. Шумейко, О.А Яновский. – Минск : БГУ, 2020. – С. 186.
2. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 1.
 3. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 3.
 4. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 12.
 5. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 25.
 6. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 33.
 7. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 35.
 8. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 27.
 9. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 26.
 10. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 30.
 11. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 32.
 12. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 34.
 13. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 38.
 14. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 40.
 15. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 42.
 16. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 50.
 17. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 44.
 18. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 41.
 19. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 46.
 20. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 52.
 21. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 54.
 22. Окорочков, А.А. Секретные войны СССР: самая полная энциклопедия / А.А. Окорочков. – М. : Яуза, Эксмо, 2014. – 736 с.
 23. Закон Республики Беларусь «О ветеранах». Статья 3 [Электронный ресурс] // Kodeksy-by.com: Законы Беларуси. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_veteranah/3.htm. – Дата доступа: 20.04.2021.
 24. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 36.
 25. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 61.
 26. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 63.
 27. Кузнецова-Тимонова, А.В. Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе. 1975 – 1992 / А.В. Кузнецова-Тимонова. – Минск : Беларуская навука, 2017. – 352 с.
 28. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 65.
 29. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 72.
 30. Союз ветеранов Анголы: официальный сайт [Электронный ресурс] // Архив гостевой книги: октябрь 2009. – Режим доступа: <https://www.veteranangola.ru/main/arhivgostevoy/god2009/october>. – Дата доступа: 16.04.2021
 31. Ждаркин, И.А. «Такого не было даже в Афгане». Воспоминания участника войны в Анголе (1986-1988 гг.) / И.А. Ждаркин. – М. : «Memoris», 2008. – С. 177.
 32. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 70.

Поступила 30.04.2021

**GRADUATES AND LECTURERS OF MINSK STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
IN WARS AND MILITARY CONFLICTS IN 1960 – 1980
(ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)**

A. KUZNETSOVA-TIMONOVA

The author makes the research of the participation of graduates and lecturers of the Minsk State Linguistic University (Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages in 1960 – 1980s in wars and military conflicts in foreign countries: their work as military interpreters, circumstances of their training, selection criteria, geography of destination countries. Also the author analyses the information potential of the documents which are stored in the National Archive of Belarus, especially protocol of meetings of the primary organization of the Communist Party of Belarus. We can find main directions, chronological framework of the work of representatives of the institute abroad, primary statistics.

Keywords: *local wars and conflicts, military interpreters, “cold” war, Minsk State Linguistic University, Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages, developing countries, teachers of Russian abroad.*